

фикация значения 'судьба, рок; жизненный удел', которое давно «витало в воздухе» речевой практики говорящих.

Безусловным лидером по проявлению семантической активности в русском языке является лексема *сахар* – давнее индийское заимствование через посредничество греческого языка. Данное наименование используется в русском языке в 3 значениях, 2 из которых получают дополнительные семантические сдвиги: «1. 'Пищевой продукт, кристаллическое сладкое вещество, получаемое из сахарной свеклы или сахарного тростника'. 2. *Разг.* 'О ком-, чем-либо приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение'. *Жених – сахар. Кто-, что-либо не сахар* (о ком-, чем-либо плохом, неприятном). // О ком-, чем-либо неестественно любезном, необычайно слащавом. *Перед начальством – приторный сахар. Сахар-медович* (о приторно-ласковом человеке). 3. мн.: сахара, -ов. *Хим.* 'Название углеводов'. // 'Составная часть названий некоторых углеводов'. *Виноградный сахар* (глюкоза). *Молочный сахар* (лактоза)» (по материалам Большого толкового словаря русского языка, под ред. С. А. Кузнецова).

Современные словари фиксируют сравнительно узкий круг лексем, подвергшихся семантической деривации на собственно русской почве. Однако столь ограниченный круг лексем сопровождается перманентной плюралистичностью описания и обрастает в современной лексикографии множеством интерпретаций. Кодификация вторичных значений лексических единиц иноязычного происхождения в лексикографических источниках – это конечный этап их ассимиляции в русском языковом пространстве, которому предшествует длящийся не один год период достаточно регулярного использования данных номинаций говорящими в реальной речевой стихии. Отдельные производные значения, будучи изначально переносными, со временем теряют образность, начинают осознаваться как прямые. Носители русского языка, использующие в речевой практике номинации *гуру, карма, нирвана* и т.п. сегодня, в большинстве случаев наделяют их значениями, которые являются результатом семантической деривации лексем индийского происхождения, заимствованных русским языком в определенный период его истории и развития.

А. А. Гойло

ВОЗМОЖНА ЛИ ИНВЕРСИЯ В КОСВЕННЫХ ОБЩИХ ВОПРОСАХ В СИНГАПУРСКОМ АНГЛИЙСКОМ?¹

Национальные разновидности английского языка, относящиеся ко внутреннему кругу (например, британская, американская, канадская и т.д.), не допускают инверсии в косвенных вопросах. Тем не менее она наблюдается в некоторых разновидностях внешнего круга (например, индийской).

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

В ходе проведенного нами корпусного исследования четырех разновидностей английского языка (индийской, сингапурской, ямайской и филиппинской) на материале «The International Corpus of English» (www.ice-corpora.uzh.ch) было установлено, что инверсия подлежащего и глагола-связки *to be* в косвенных вопросах, образованных от прямых специальных, является характерной чертой индийской и сингапурской разновидностей (49,2 % от общего количества контекстов с глаголом-связкой *to be* и 56,1 % соответственно). При этом количество контекстов с инверсией при наличии других глаголов крайне мало. Что касается ямайской и филиппинской разновидностей, инверсия в них наблюдается значительно реже (18,2 % и 28,6 % от общего количества контекстов с глаголом-связкой *to be*). Кроме того, в нашей выборке не было ни одного контекста с инверсией в косвенном вопросе, если он образован от прямого общего (т.е. косвенные вопросы с *whether/if*).

Чтобы подкрепить результаты корпусного исследования, было решено провести анкетирование. В качестве респондентов были выбраны носители сингапурского английского, так как доля контекстов с инверсией в этой разновидности была самой высокой. В анкету вошли отобранные из корпуса контексты, которые можно разделить на несколько групп в зависимости от их структурных признаков:

1. Предложения с *to be* в функции глагола-связки (*I know who is it* и *Sorry, I don't remember what your name is*).

2. Предложения с *to be* в функции вспомогательного глагола (*Do you know what is he selling?* и *I don't know where I'm going to stay*).

3. Предложения со сложной именной группой в придаточной части (*I want to know what are the ethical values of the people who I am going to share this information with* и *I don't remember what the name of the person who told me that is*).

4. Предложения с полнозначными глаголами (*I don't understand how did you manage to do that* и *I don't know why I remember this*).

5. Косвенные вопросы, образованные от прямых общих (*I don't know whether I can afford it* и *He didn't say whether did he like it or not*).

6. Косвенные вопросы без вопросительного слова (*Let me know is he going to come today*).

Респондентам предлагалось выполнить задания трех типов. Во-первых, необходимо было оценить приемлемость каждого предложения по шкале от 1 до 4, где 1 – «такое предложение не используется и кажется очень странным», а 4 – «носители языка в моей местности очень часто используют подобные предложения». Во-вторых, их просили ответить, смогли бы они сами использовать подобное предложение в сходной ситуации. Последним типом задания было переформулирование: респонденты должны были переформулировать прямой вопрос в косвенный. В целом результаты анкетиро-

вания подтвердили результаты корпусного исследования. Контексты с глаголом-связкой *to be* получили схожие оценки как при наличии инверсии, так и без нее (средняя оценка для контекстов с инверсией – 2,7; без инверсии – 2,9). Однако некоторые результаты расходились с данными корпусного исследования: носители посчитали вполне приемлемыми косвенные общие вопросы (средняя оценка – 2,7).

Кажущаяся приемлемость косвенных общих вопросов идет вразрез как с данными нашего корпусного исследования, так и с синтаксической теорией генеративной грамматики, методологическая база которой применялась в нашей работе. Согласно данной теории при инверсии происходит скрытое передвижение синтаксических групп с одной позиции в структуре предложения на другую. При наличии инверсии в косвенных вопросах, образованных от прямых специальных, наблюдается сразу два передвижения – *вопросительной группы* и *глагола*. Вопросительная группа перемещается на позицию спецификатора группы комплементатора, а глагол перемещается из позиции вершины глагольной группы на позицию вершины группы комплементатора. При порождении косвенных общих вопросов нет передвижения вопросительного слова: оно изначально занимает позицию вершины группы комплементатора, в которую должен был бы переместиться глагол. Таким образом, инверсия в косвенных общих вопросах, теоретически, не должна наблюдаться.

Чтобы получить больше данных, касающихся именно косвенных общих вопросов, было проведено повторное анкетирование. Методология осталась прежней. В таблице ниже приведены результаты анкетирования.

Тип предложения	Контекст	Средняя оценка	Да/нет, %
[+Modal][+Inv]	<i>I don't know if should I do it.</i>	3	63 / 37
[+Modal][-Inv]	<i>I don't know whether I can afford it</i>	3,3	60 / 40
[+FullV][+Inv]	<i>He didn't say whether did he like it or not.</i>	2,4	15 / 85
[+FullV][-Inv]	<i>I can't remember whether I saw it on the internet or not.</i>	3,3	49 / 51
[+Link][+Inv]	<i>I wonder whether is she in the library or not.</i>	2,7	15 / 85
[+Link][-Inv]	<i>I don't know if it's correct.</i>	3,7	85 / 15
[+Aux][+Inv]	<i>I don't know if will I be able to do that.</i>	2,2	78 / 22
[+Aux][-Inv]	<i>I don't know whether I'll pass it or not.</i>	3,7	67 / 33

Средняя оценка предложений с инверсией – 2,6, без инверсии – 3,5. Таким образом, некоторые респонденты все равно посчитали косвенные общие вопросы вполне приемлемыми. В то же время стоит отметить, что степень приемлемости контекстов без инверсии намного выше.

На наш взгляд, возможным объяснением такого поведения респондентов может стать несовершенный дизайн нашей анкеты. Так как анкета была создана с помощью сервиса «Google Forms», респонденты могли видеть все оцениваемое предложение целиком. Возможно, что при чтении предлагаемых к оценке предложений респонденты воспринимали предложения с инверсией, как если бы в них не было инверсии (стоит учесть, что разница в структурах предложения часто незначительна), примерно, как носители русского воспринимают последовательность символов *адмсинтатор* как *администратор*. Избежать подобного можно, если использовать другие технические средства при создании анкеты. Например, демонстрировать предложение для оценки пословно, а не целиком, либо использовать запись прочтения предложения носителем соответствующей разновидности английского.

Кроме того, американские исследователи Ш. Армстронг, Л. Глейтман и Г. Глейтман установили, что при анкетировании респонденты имеют тенденцию к оцениванию в виде градиента даже если оцениваемое невозможно представить подобным образом (в их исследовании 1983 г. «What some concepts might not be» респонденты оценивали некоторые нечетные числа как «более нечетные», чем другие). Нам представляется возможным экстраполировать результаты их исследования на наше: разница в оценках косвенных общих вопросов по сравнению с косвенными специальными может быть обусловлена тем, что для оценивания была использована шкала. В любом случае стоит признать, что поведение респондентов при заполнении анкет регулируется разнообразными когнитивными механизмами, и этот факт стоит учитывать при создании подобных анкет.

Наконец, хотелось бы обратиться к результатам переформулирования: ни в одном из порожденных самими носителями косвенных общих вопросов инверсии не было. Принимая во внимание несовершенство дизайна анкеты, возможные экстралингвистические факторы (например, особенности восприятия предложений целиком или тенденцию респондентов выдавать градиент оценок всегда, когда им предлагают оценить что-либо по какой-либо шкале), отсутствие инверсии в порожденных самими носителями предложениях и косвенных общих вопросов с инверсией в корпусной выборке, а также значительно более высокую степень приемлемости косвенных общих вопросов без инверсии, нам кажется уместным ответить на заданный в заглавии вопрос отрицательно.